

● Яма для Евгения Колобова

ЛУЖКОВ ЛЮБИТ «НОВУЮ ОПЕРУ», ХОТЯ НИКОГДА ТАМ НЕ БЫЛ

Сегодня театр «Новая опера» — скиталец с семилетним стажем — обретет наконец свой дом в саду «Эрмитаж» (Каретный ряд, 3), который когда-то был одним из любимейших мест москвичей, постепенно дошел до полного запустения, а теперь вновь возрождается к жизни. На восстановленном здании будет три надписи: «Опера Мамонтова», «Опера Зимина», «Новая опера», дабы обозначить традиции и преемственность частной оперы.

Колокола-люстры для зала делали в Каменске-Уральском, занавес из холста по эскизам Эдуарда Кочергина соткали в Костроме. В целом на новое здание для «Новой оперы» поработало около тридцати коллективов — «такая вот всероссийская стройка», — удовлетворенно заметил Колобов. В день открытия ожидается приезд Ельцина в окружении «любителей оперы», так что истинных любителей Колобов просит особо не рваться в зал на 700 мест. Хотя концерт на открытие подготовлен грандиозный: в первом отделении будут исполняться «The Best of Novaya Opera» (отрывки из спектаклей театра), во втором — выступления мировых звезд: Пааты Бурдуладзе, Любови Казарновской, Дмитрия Хворостовского. А пока Евгений Владимирович поделился посылными соображениями по поводу:

«Семь лет назад я уже сидел на чемоданах в гостинице, собирался возвращаться домой в Петербург. Но за мной из Театра Станиславского ушли 200 человек. В никуда ушли, у нас даже пультов для нот не было: только люди и инструменты. Как же я мог их предать?! Мне тогда ни один человек искусства не помог. А Лужков вызвал сам и предложил создать театр. И название спонтанно родилось — Новая опера. Теперь я вижу в этом некий смысл. Ведь новое — это хорошо забытое старое. И в словаре в статье «опера» только под пятым пунктом стоит «музыкальное произведение», а так вообще «новое сочинение», а я хочу создавать авторский театр. Я Лужкову по гроб жизни обязан. Самое интересное, что он у нас никогда не был. Да-да. Он один раз только собрался уже, а тут грянул октябрь 93-го. И он опять не попал. Да я не обижаясь, пусть ему это не нужно. Но он понимает, что это людям нужно, и потому строит для Москвы оперный театр. Для Москвы, а не для маэстро Колобова. Нас могут отсюда и попросить, если за дело (или за безделье). Вот за это я его обожаю. У нас будет очень уютный театр — на 700 мест. На балконе даже с последнего ряда будет все видно. Планируются подвезды для инвалидов на колясках. Есть все современные возможности для сценических изменений. И оркестровая яма может меняться в зависимости от того, какой оркестр играет: камерный или большой. И я наконец-то уйду со сцены вниз. А то все писали, что Колобов возвеличивает свою персону, на сцену лезет. А просто для меня яма до сих пор нигде не выкопали.

Я не знаю, что будет после нашего переезда

Всероссийская Москва, 1997. — 27 дек. — с. 5

селения в старом помещении на Таганской. Писали письмо, чтобы остался театр «Мастерская Петра Фоменко», который здесь иногда играет. Калягин его подписал, Табаков, Захаров. Но, говорят, там будет ансамбль баянистов. Безобразно, конечно. (Здание на Таганской улице, где до настоящего времени обитала «Новая опера», по словам актера и режиссера Ивана Поповски, идеально подходит под все спектакли Фоменок, при всей их сцениграфической разноплановости. Другой такой площадки в Москве нет. — Ред.)

Почему-то интерес к театру обостряется тогда, когда он побывал в Нью-Йорке. А то, что мы проехали с гастролями по пятнадцати городам России, в том числе и по таким, где оперных театров вообще нет, — это почему-то никого не впечатляет. Я считаю, что если родина — мать и ей сейчас трудно, с матерью в трудную минуту надо находиться рядом. 9 месяцев в году мы будем работать здесь. И пусть кто-то другой оттуда учит, как ставить оперу, и жалуются на условия. Когда меня спрашивают, где мы работали, я отвечаю, что мы на работали только в мужском туалете и камере хранения, потому что там оркестр не разместится. А так мы прошли через все...

В июле, под конец сезона, мы намерены показать «Бориса Годунова» в первоначальной редакции Мусоргского. Поставит Валерий Белякович, очень интересный, по-моему, режиссер, а декорации сделает Эдуард Кочергин (я очень рад, что он начал с нами работать). С Александром Сокуровым будем ставить «Гамлета» на красивейшую музыку Амбруаза Тома. Я не представляю, что получится, но уже счастлив, что буду с ним работать. Еще я хочу поставить концерт для Филлипенко с оркестром: в первой части «Мертвые души» под итальянскую музыку (писалось-то в Италии), во второй — Зоценко, Булгаков, Саша Черный и музыка Шостаковича. Сейчас ведем переговоры с Валерием Фокиным, Алексеем Германом. Всех великих режиссеров тянуло в этот жанр — Висконти, Дзефирелли, Станиславский, Бергман. Это самый сложный и самый загадочный жанр, потому что там есть все компоненты.

А на том свете мне скажут, убийца ли я музыки или ту копейку таланта, которая мне отпущена, я отработал честно. Там, говорят, тоже музыка какая-то играет неземная, только оркестра нет».

Ольга ФУКС